

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕГОДНЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Л.Н. Синельникова

Предметом описания современной социолингвистики является дискурс, посредством которого определяется специфика речевой деятельности и уровень языковой компетентности личности.

Ключевые слова: социолингвистика, дискурс, дискурс-анализ, языковая компетенция, языковая личность.

Предметом опису сучасної соціолінгвістики є дискурс, який формує специфіку мовної діяльності а також рівень мовної компетенції особи.

Ключові слова: соціолінгвістика, дискурс, дискурс-аналіз, мовна компетенція, мовна особа.

The subject of description of modern sociolinguistics is discurs, by means of which specification of speech activity and level of language competence are determined.

Key words: sociolinguistic, discurs, discurs-analyse, language competence, linguistic personality.

Жизнь современного общества полихронна, и язык, обслуживающий её, находится в состоянии стремительного изменения и напряжения. Для людей старшего поколения всё ещё актуален политизированный язык советского времени, для молодежи — заимствования и жаргонизмы. Весь этот поток включается в речевую практику общества, в которой структурно и семантически преобразуется, функционально переориентируется и т.д.

В этом многообразии проявлений и новационных изменений повышается ответственность лингвистов в осмыслении и оценке речевых фактов. К числу наук, призванных описывать язык в режиме реального времени, относится социолингвистика. Языковая картина мира наших современников, соотнесённая со спецификой их мышления, восприятия и оценки накапливающихся новаций, — таков предмет социолингвистики, действующей в координатах «Здесь и сейчас».

Справиться со столь обширной задачей можно только при условии целенаправленной интеграции разных подходов, многообразии способов сбора и методов обработки «живого», нормативно неустойчивого и нередко субъективно интерпретируемого материала. Связи социолингвистики с психологией, психолингвистикой, этнолингвистикой, культурологией, когнитивными науками естественны и продуктивны. Социолингвистика практически без ограничений имеет право обращаться к фактам нелингвистического характера.

Наблюдения и обобщения социолингвистического свойства можно рассматривать как существенную поддержку коммуникативно-функциональной парадигмы, становящейся общенаучной лингвистической методологией. Социолингвистика призвана описать и включить в научный и культурный контекст модели и принципы организации подлинной человеческой коммуникации.

Социолингвистика имеет право и возможности для эффективной в теоретическом и практическом отношении эксплуатации таких понятий современной «расширенной» лингвистики, как языковая картина мира, языковая компетенция, языковая возможность, языковая личность. Разнообразную информацию об этих феноменах социолингвистика получает, наблюдая за дискурсивной деятельностью общества, социально означенных референтных групп и отдельных личностей.

Перефразируя П. Валери, говорившего, что время — это конструкция, можно сказать: конструкция дискурса — это и есть наше мятежное, изменчивое время. Анализ дискурсивной практики общества консолидирует социолингвистические подходы, обеспечивает поворот лингвистики к реальностям языка, её связь с экстралингвистическими показателями. Современные социолингвисты воспринимают и анализируют дискурс как живой организм, являющий специфику речевой деятельности и уровень языковой компетентности, структурирующий проявленную в языке социальную действительность.

В дискурсе отражается процесс познания и вербализации знания о мире, обнаруживается связь между сознанием и языком. Через дискурс-анализ социолингвистика приобщается к когнитивным наукам.

Дискурс проявляет социальных субъектов речи в момент говорения, (общения). Живое слово дискурса, возникшее в ситуации «лицом к лицу», высоко информативно. Социолингвистический анализ спонтанного слова формирует особую социологию знания о лингвоментальных ориентирах и пристрастиях общества.

Современная наука не имеет единого понимания сути и признаков дискурса. Как всегда, на этапе начального освоения понятия идёт проверка на дефинитивность. Изучается художественный, научный, политический, манипулятивный, экстремальный, публицистический, диалогический, критический, рекламный, фантастический, новеллистический, сказочный, аллегорический, повествовательный, комический, искусствоведческий, автобиографический, виртуальный, асимметричный, библейский, сакральный и мн. др. дискурсы. Надо полагать, что такое типологическое многообразие — знак эвристичности осваиваемого научного понятия.

Едва ли не глобальный отказ от термина «текст» в пользу термина «дискурс» можно, видимо, объяснить стремлением рассматривать объект исследования как вербализованный опыт мышления о мире. Дискурс-анализ нацелен на характеристику способа концептуализации знания, коммуникативной структуры и прагматики через «фактор адресанта» и «фактор адресата».

Внимание к проявленному в дискурсе соотношению языка, сознания и действительности выдвигает социолингвистику в число приоритетных наук нашего времени.

Внедрение дискурса в научный аппарат социолингвистики расширило границы исследования языка под социальным углом зрения, саму проблематику этой науки, увеличило реестр социально значимых факторов. Информация о функционировании и социальном распределении определённых групп лексических единиц, морфологических и словообразовательных вариантов [1], во-первых, расширилась до анализа закреплённости языковых знаков за референтами, во-вторых, социальная дифференциация единиц разных уровней не просто дополнилась анализом коммуникативно-прагматического характера, а сменилась (или сменяется) рассмотрением строевых и функциональных характеристик всего многообразия коммуникативных сфер и жанров.

Социолингвистика имеет прямое отношение к методологии антропоцентризма, ведущей «к признанию и осознанному использованию *антропной проекции* каждого фрагмента реальности» [2, 26]. Антропный подход к языку связан с понятием языковой личности как конкретным носителем языка.

Лингвоментальные составляющие языковой личности исторически обусловлены. Свойства социологизированной языковой личности не могут не зависеть от социальных норм, культивируемых в определенной среде и субкультуре.

Понятию «усреднённая языковая личность» (Ю.Н. Караулов) можно противопоставить понятие «сильная языковая личность», разработка которого имеет как социолингвистический, так и лингвокультурологический характер. Воспитание сильной языковой личности — важнейшая педагогическая задача.

Восстановление структуры личности через язык — один из векторов насущных социальных преобразований в обществе. В настоящее время комплекс признаков сильной языковой личности, который можно сформировать на основе культурологических и социолингвистических критериев, выглядит скорее как идеал, программа на будущее. Назовём эти признаки: энергия мысли, воплощаемая в энергии (не банальности) слова; умение строить высказывание от 1-го лица, брать на себя ответственность за словесный поступок; способность к рефлексии, дающая возможность наблюдать за взаимодействием мысли и языка; широта дискурсивной (текстовой) деятельности как результат знаний, умений и навыков построения высказывания в разных ситуациях общения; креативность, проявляющаяся в умении реализовать в дискурсе нетривиальные иллокутивные установки, обращаясь к накопленному в культуре риторическому и художественному опыту; способность сочетать планируемость речи (прежде всего — публичной) с импровизацией как живой реакцией на живое слово, идти к стратегии через гибкость речевых тактик; умение выражать интеллектуализированное содержание в демократической (приближенной к адресату) форме, сохраняя уважение к нормативным традициям литературного языка и одновременно проявляя волю к мотивированному коммуникативной ситуацией стилистическому риску как способу повышения речевой активности высказывания; умение быть хорошим адресантом и хорошим адресатом.

Объем концепта «сильная языковая личность» зависит от пространства видения проблемы, соотношения лингвистических и нелингвистических слагаемых, баланса между желаемым и возможным. Три ряда параметров оцениваются как основополагающие: языковая компетенция (владение системой языка), жанровая компетенция (владение способами осуществления бесконфликтной ситуации), когнитивно-гносеологическая компетенция (владение информационным пространством, знанием о мире) [3].

Коммуникативная компетенция все чаще связывается с успешной речевой (дискурсивной) деятельностью, с коммуникативным имиджем, основывающимся на привлекательных (харизматических) личностных качествах говорящего. Имидж как оптимальный канал коммуникации в последнее время активно изучается в системе «Паблик рилейшнз» — дисциплине широкого коммуникативного диапазона, интегрирующей накопленные наукой риторические знания, знания стилистического, психолингвистического и социолингвистического характера. Широта дискурс-анализа, позволяющая описывать феномены любой знаковой природы (в том числе паралингвистические — жесты, мимику и мн. др.), даёт основание для научной имиджеологии. Поиск методов воздействия на аудиторию, создание благоприятных условий пребывания позиционируемой личности в информационной среде требует прежде всего учета связанных с фактором адресата социолингвистических данных.

Сильные языковые личности имеют статус субъектов познания, субъектов рассуждения и оценки. Их деятельность формирует пространство культуры народа и облик национального языка. Таковую языковую личность отличают: высокая языковая компетенция, сложившиеся мировоззренческие установки, активная общественная позиция (в том числе в области языковой политики и языковой нормы), тонкое языковое чутье, умение прогнозировать тенденции развития языка [4].

Традиционная социолингвистика имеет опыт описания речевого портрета говорящего (работы Е.А. Земской, Л.П. Крысина, Т.М. Николаевой, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой), современная социолингвистика (совместно с культурологией) накапливает опыт описания сильной языковой личности.

Глубина социальных изменений в обществе остро ощутима при сопоставлении комплекса признаков сильной языковой личности с реконструируемым по материалам советского дискурса языковым сознанием носителя официальных мифологических стереотипов. Совокупную советскую языковую личность отличала идеологическая диглоссия — двуязычность (безальтернативная зависимость от официальности или неофициальности общения); обилие идеологий, блокирующих проявление творческих рефлексий над языком; референциальная агрессия в интерпретации идеологически чужого, ведущая к информационным потерям денотативного, сигнификативного и коннотативного характера [5]. Люди, привыкшие говорить формулами официальных средств массовой информации и постановлений, теряли способность самостоятельного моделирования языковой действительности. Идеологемные ограничения личности компенсировались самиздатовской деятельностью, активностью жанров народного творчества, бардовской песней и другими альтернативными проявлениями. Обезличивающие говорящего человека «советизмы» в виде слов, идиом, пословиц, афоризмов лексикографы нового времени квалифицируют в историческом аспекте [6]. Историографический характер имеют массовые социолингвистические обследования (анкетирование, опросы и др.) носителей языка, проведенные в 60-80-е годы прошлого века. Уход социально значимых кодов существенно изменил языковую личность. Актуальная социолингвистика должна проявлять внимание к существующей речевой практике, искать модели её адекватного описания, способы декодирования ментальных установок личности.

Сменившая официоз тотальная ирония (вспомним Станислава Леца: «Ирония восстанавливает то, что разрушил пафос»), на основе которой была сформирована постмодернистская стилистика, избавление от социальной жесткости речевого регламента, ряд других уже описанных лингвистами причин [7] изменили и расширили дискурсивную деятельность постсоветской личности. Изменилось содержание и степень категоричности нормативно ориентированной оппозиции “правильно-неправильно”, другим стал контекст описания типологии коммуникативных неудач. Тесное взаимодействие функциональных стилей с социолектами изменило отношение общества к норме. Само понятие нормы сможет полноценно влиять на повышение речевой культуры общества, когда идея языковой нормы будет коррелировать с идеей социального статуса [8, 90-95].

Теория нормы нуждается в развитии представления о сознании. На формирование языкового сознания современного общества, от которого зависит представление о речевых нормах, влияют прежде всего средства массовой

информации, реклама, «адреналинная американская культура» (выражение Виктора Ерофеева), интернет-информация. Социолингвистический анализ сфер влияния — общественно значимая задача, выполнение которой делает необходимой связь между социолингвистикой и социологией. Обозначим некоторые ракурсы изучения сфер влияния в социолингвистическом аспекте.

Политический дискурс (язык власти, политтехнологии, политическая мифология, слоганы и др.) проявляет специфику номинаций и оценок. Варьирование номинаций, подмены компонентов семантической структуры слова — реакция на экстралингвистические стимулы идеологического характера. Показательный пример — изменчивая судьба слова «зачистка». Известно, что оно пришло из блатного жаргона. Правда, в Большом словаре русского жаргона [9] это слово не значится, и только «извинительный» метаязыковой комментарий или кавычки напоминают о маргинальном происхождении внедрённого в общественное сознание слова: «По-видимому, снова идет операция «по зачистке», как говорят наши генералы, то есть осуществляется тактика выжженной земли» (Лит. газета, 1996, № 12); «Зачистка территории по-савёловски» (Огонек, 1996, № 5); «Коммунистам хватило ума не мешать внутримократической разборке, этой «зачистке» президентского кресла» (Лит. газета, 1996, № 3); «Если же время позволяет, делается «зачистка» местности — это означает, что в СМИ идут в основном позитивные материалы про кандидата (Комс. правда в Украине, 19 янв. 2001 г.); «Проходят делегации из сёл и просят зачистить их. Зачищенным дают свет и газ, незачищенным — нет» (С. Доренко, ОРТ, 21 ноября 2000 г.); «не зачистки, а, как теперь военные называют, адресные проверки» (НТВ, 21 ноября 2001 г.). Социолингвистический анализ в такого рода дискурсах совмещается с лингво-идеологическим, позволяющим «понять явление, суть которого в том, что вещи называются не своими именами... Категория объективной модальности, которую в данном случае можно интерпретировать как соответствие сигнификата денотату, ... утрачивает смысл» [8, 44].

Анализ политических дискурсов даёт основание для лексикографических обобщений на социолингвистической основе. **Зачистка.** 1. Официальные мероприятия в программе антитеррористических действий. 2. Произвол, репрессии, неоправданная жестокость. 3. Перен. Иронич. Пройти своеобразную (несанкционированную) проверку на лояльность.

Ономасиологические цепочки *беженцы, вынужденные переселенцы; сепаратисты, повстанцы, бандформирования, боевики, войска сопротивления* и под. являют документальную семантику жизни языковых знаков в социокультурном контексте, оказываются свидетельством особого рода прагматики, проявляющейся в синонимах как социальных мирах. Выбор названия легализует такую прагматику. Сравним с поиском означивания военной антитеррористической акции Америки после 11 сентября 2001 года: *абсолютная справедливость, справедливость без границ, несокрушимая свобода*. Заметки о слове как традиционный жанр социолингвистики 60-80-х годов строились куда с меньшим привлечением экстралингвистического материала и основывались по большей части на анализе семантики слов, меняющейся под влиянием внешних и внутренних (присущих самому языку) факторов, в их сбалансированном единстве.

Социальный фактор в восприятии слова оказывает влияние на его нормативный статус, часто способствуя динамичному движению от периферии языка к центру. Показательна судьба слова «беспредел», ставшего

постперестроечным лексическим символом [10]. Степень освоенности слова в публицистическом дискурсе вывела его за пределы уголовного жаргона, распространив оценочный признак «высшее беззаконие» на все области деятельности. Полный отрыв от уголовной субкультуры произвёл рекламный дискурс, предъявивший обществу сенсационное словосочетание «фруктовый беспредел».

Язык на наших глазах трансформируется рекламой, трансформируя заодно и языковую личность, по-своему отторгая ее от ответственности за речевой поступок. Рекламный дискурс рождает и непрестанно пополняет актуальный лексикон молодежной субкультуры (*сникерсни, вливайся, я этого достойна* и под.), существенно влияет на сознание, суггестивно вводя свой сертификат качества личности. Рекламный дискурс узурпировал право расширять прагматический компонент семантики слова до экзистенциального (*хрустящее счастье, хрустящее поколение*), без ограничения эксплуатировать такое архетипическое состояние человеческой природы, как ожидание чуда [11].

Рекламный дискурс, радио- и телевизионные игровые слоганы участвуют в формировании новой мифологии, заполняющей нишу, занятую раньше морально-нравственными установками, нацеленными на строительство светлого будущего. *Бери от жизни всё, Забудь обо всём кроме себя, Я великолепен* и под. — новые слоганы-мифологемы. «Мышление всегда движется в колее, проложенной языком», — писал Г. Гадамер. Социолингвистика, культурология, педагогика совместными усилиями должны понять и оценить, что, кем и каким образом «прокладывается» в языке, и только после этого планировать действия по изменению «колен».

Новое ролевое сознание формируют интернет-коммуникации. Социолингвистика только начинает изучать интерактивное общение, означенное режимом реального времени, и идентификационные признаки виртуального общения.

Изучение общественного мнения методами социолингвистики остаётся важнейшим параметром языковой политики. В полилингвокультурном обществе именно социолингвистические данные могут избавить общество от демагогических заявлений, давления и чиновничьего беспредела.

Перечень социокультурных констант может быть продолжен. Широкая точка зрения на настоящее, намеченная в современной социолингвистике, уточняет расчёт на будущее. Очерчивая фактуру быстротекущей жизни, социолингвистические описания сохраняют язык эпохи и вносят свой вклад в «зону» прогнозирования.

Литература:

1. Земская Е. А., Крысин Л. П. Московская школа функциональной социолингвистики. Итоги и перспективы исследований. — М., 1998.
2. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. — Одесса, 1997.
3. Кузнецова Л. К. Объём концепта «сильная языковая личность» // Язык образования и образование языка. — Великий Новгород, 2000.
4. Лисицына Т. А. Языковая личность и культура (фрагмент истории русского литературного языка) // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. — 2001. — № 10 (42).

5. Ворожбитова А. А., Терентьева В. И. Советское языковое сознание с позиций лингвориторического анализа // Филология и культура. Материалы III-й международной научной конференции. Часть 1. — Тамбов, 2001.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб., 1998.
7. Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996.
8. Мирошниченко А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа. — Ростов-на-Дону, 1995.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.
10. Костомаров В. Г. Слово «беспредел» и активизация иных бессуффиксных существительных // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). — М., 1995; Соболева И. А. «Беспредел» в современном публицистическом дискурсе // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. Материалы Международного семинара. Вып. II. Часть I. — Луганск; Цюрих; Женева, 2001.
11. Чередниченко Т. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах. Актуальный лексикон истории культуры. — М., 1999.